

Ресурсы в «западне» глобализации

В.В. ШМАТ, кандидат экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: petroleum-zugzwang@yandex.ru

Что такое глобализация вообще и с точки зрения ресурсозависимых экономик? Как транснациональные взаимодействия, которые ассоциируются с глобализацией, отражаются на действии механизмов ресурсозависимости, далеко не одинаковых у разных стран мира? Каково приходится ресурсозависимым экономикам в условиях глобализации? Глобализация для них – это благо или зло? Автор предлагает свою версию ответов на поставленные вопросы, не претендуя при этом на бесспорность суждений. Авторская точка зрения основывается, с одной стороны, на логико-историческом анализе процессов развития так называемых «нефтегосударств», а с другой – на опыте (пока не очень большом) когнитивного моделирования ресурсозависимой экономики.

Ключевые слова: природные ресурсы, нефть и газ, ресурсозависимость, ресурсное проклятие, «нефтегосударства», глобализация, ускорение, неопределенность, транснациональные взаимодействия, модернизация экономики, государство

Один из ключевых результатов когнитивного моделирования ресурсозависимой экономики, направленного на выявление закономерностей развития в условиях треугольника взаимовлияний «ресурсы – экономика – институты», указывает на большую роль воздействия внешних факторов («экстерналий») на внутренние механизмы ресурсозависимости [1]. Поскольку в сегодняшнем мире «внешний фактор» все больше и больше ассоциируется с глобализацией, попытаемся дополнить результаты, полученные при помощи моделирования, качественным анализом происходящих процессов. Об этом и пойдет речь.

Главные приметы времени: глобализация, ускорение и неопределенность

В самых общих чертах современные тенденции развития общества и экономики можно охарактеризовать одним словом: глобализация. Но что это такое? Отечественные и зарубежные исследователи, приводя множество определений, сходятся в том, что глобализация является объективным процессом, который происходит независимо от нашей воли и желания; ее нельзя остановить или отменить («глобализация есть неустранимое условие человеческой деятельности в конце XX века» [2]).

Едва ли не первое определение термина дал один из основоположников теории глобализации Р. Робертсон: «глобализация относится к сжатию мира и интенсификации мирового сознания как единого целого». В фокусе внимания – единство двух процессов: растущей взаимосвязанности мира (настоящей глобализации), с одной стороны, и расширяющегося и углубляющегося осознания этой взаимосвязанности (глобализации, внедренной в сознание людей и сообществ средствами массовой информации), с другой. По Робертсону, диалектика глобализации состоит также во взаимосвязи глобального и локального, в двуединстве процессов превращения всеобщего в особенное и особенного во всеобщее [3].

Глобализация многомерна, а «технически» она осуществляется путем разрастающихся транснациональных взаимодействий, происходящих поверх границ национальных государств и охватывающих все сферы деятельности и обыденной жизни людей. Экономическая глобализация, таким образом, представляет собой лишь часть общего процесса – это «качественный сдвиг в сторону глобальной экономической системы, которая больше не основывается на автономных национальных экономиках, но на консолидированном мировом рынке для производства, распределения и потребления» [4]. При этом «отдельные национальные экономики включаются и сочленяются в систему, по существу, международных процессов и трансакций» [5].

«Сжатие» мира естественным образом ведет к ускорению, и чем сильнее сжимается мир, чем больше он глобализируется, тем выше скорость изменений. При этом обрисовать характер нынешнего мирового ускорения в общих чертах, в некотором универсальном виде, кажется весьма затруднительным [6].

Тем не менее рискну высказать гипотезу, что в основе ускорения лежит усиливающаяся возможность быстрой «трансфункциональной» и транснациональной передислокации ресурсов (в широком смысле слова) для решения тех или иных задач и проблем, для ответа на вызовы, которые выдвигает жизнь в сложном взаимосвязанном мире. Ускорение во многом носит иррациональный характер. Сегодня выигрывает тот, кто первым находит ответ на каждый новый вызов, независимо от качества ответа – лишь бы он не был совершенно ошибочным. Кто опаздывает (даже если он в состоянии найти более правильный ответ),

тот проигрывает или, в лучшем случае, оказывается в роли догоняющего. А как известно, нет ничего хуже, чем ждать и догонять.

Сложный транснациональный характер взаимодействий, сжатие пространства и ускорение времени в условиях глобализации дают эффект, выражающийся в усилении неопределенности во всех аспектах сегодняшней жизни [7]. Ульрих Бек обосновал идею, что постиндустриализм и глобализация вызывают переход от «индустриального общества» к «обществу риска», которое пронизано неопределенностью, страхом перед будущим и готовностью отражать предстоящие угрозы [8]. При этом растущая неопределенность в экономике, по мнению Б. Линдси, ассоциируется не только с глобальными кризисами, но и с дезорганизацией на национальном уровне: «Глобализация, бесспорно, представляется процессом запутанным и полным неопределенностей.

В первую очередь бросается в глаза то, что этот процесс привел к серии крупных международных финансовых кризисов. Менее заметно то, что он непрерывно порождает дезорганизацию в национальных экономиках: сложившиеся экономические структуры теряют устойчивость и рушатся...» [9]. Тем не менее глобализация отнюдь не стихийна. Глобальный мир структурирован и содержит транснациональные управляющие ячейки (включая транснациональную бюрократию). При этом «наибольшей властью пользуются те ячейки, что способны оставаться источником неопределенности для остальных ячеек. Манипуляция неопределенностью – суть и главная цель борьбы за власть и влияние внутри любого структурированного целого» [7].

Национальные государства, которые традиционно выступали в роли стабилизирующей силы в границах своих территорий, уже не могут противостоять нарастающей неопределенности. «Ответственные правительства не могут обещать... определенности: уже предрешенным считается тот факт, что им придется поступиться свободой действий, отдав ее на откуп «рыночным силам» с их пресловутой сумасбродностью и непредсказуемостью» [7]. Или даже в более широком отношении: «мощное развитие глобализации привело к утрате суверенными государствами большинства возможностей контролировать события на собственной территории» [10]. Но глобализация оказывает давление на национальные государства не только «сверху» (со стороны, к примеру, мирового

рынка), но и «снизу», с локального уровня, который самостоятельно включается (или втягивается) в транснациональные взаимодействия. «Национальное государство стало слишком мало для решения крупных проблем и слишком велико для решения мелких. Оно со своими политическими методами уже не может справиться с нарастающей лавиной проблем международной экономики... но в то же время концентрация политических решений в бюрократическом центре мешает инициативе находящихся под его контролем местных и региональных властей» [11].

Можно предположить, что эффект «глобализационной» неопределенности наиболее сильно проявляется в странах с ресурсозависимой экономикой, накладываясь на «естественную» неопределенность, свойственную развитию любой экономики ресурсно-сырьевого типа, включая российскую. Ее можно охарактеризовать как фундаментальную, т. е. исключаящую возможность корректного преобразования в ситуацию риска¹.

Доминанта мирового рынка в эпоху глобализации усиливает конъюнктурную неопределенность (заметим, что сегодня найдется мало смельчаков, готовых рискнуть всерьез прогнозировать будущие цены на нефть). Ослабление полномочий национальных государств под напором транснациональных взаимодействий идет вразрез с традиционной для крупных ресурсозависимых стран ролью государства как регулятора экономики и собственника природных ресурсов. Неопределенность в сфере знаний и технологий нарастает не только из-за стремительного научно-технического прогресса, но и почти что запредельной мобильности человеческого капитала. Наконец, политические и социальные риски (трансформирующиеся в экономические, технологические и проч.) неизмеримо возрастают в связи с обострением борьбы за лидерство. И страны мира, имеющие такое превосходство, стремятся его сохранить любой ценой.

Поэтому если сегодня, как это часто делается, рассуждать о проблемах ресурсозависимости в терминах «проклятия», таким уместно будет считать именно неопределенность, связанную, в том числе, с ростом глобализационных, или, по определению И.Ф. Девятко, «некалькулируемых и нелокализуемых рисков» [13], а по определению Ульриха Бека – «мегарисков» [8].

¹ О различии между понятиями «риск» и «неопределенность» [12].

Завершая тезисы о глобализации, нужно отметить, что, несмотря на расхождения исследователей во взглядах на предмет, есть немало оснований признать связанность конфликтов и рисков глобализации со следующими условиями, а именно:

- темпы глобальных изменений ускоряются;
- эти изменения создают очень большую нагрузку на индивидов, социальные институты и правительства;
- необходимо что-то делать, чтобы помочь людям и обществу приспособиться к изменениям;
- меры, принятые до сих пор, не дали адекватного решения выявленных проблем [14].

Глобализация усиливает ресурсозависимость

Глобализация усиливает ресурсозависимость национальных экономик: и тех, которые в минувшее время сумели значительно вырасти благодаря освоению природных ресурсов; и тех, которые оказались подвержены пресловутому «ресурсному проклятию»; и тех, что сегодня пытаются выправить свое бедственное положение за счет ресурсно-сырьевого потенциала.

«Мотором» экономической глобализации являются транснациональные корпорации, которые по своему усмотрению распределяют центры издержек и центры прибыли между странами мира. Сколь бы ни говорили о социальной ответственности бизнеса, для него главным смыслом существования остается максимизация прибыли, достигаемая за счет рационализации всяческих издержек. Поэтому транснациональный бизнес смещает, к примеру, трудоемкие производства в страны с дешевой рабочей силой, а декларирует прибыль в странах с льготным налогообложением. Соответственно, добыча минерального сырья концентрируется там, где ресурсы доступнее и дешевле.

Многочисленным странам (преимущественно из так называемого «третьего мира») с ресурсозависимой экономикой это грозит закреплением сложившейся специализации в рамках международного разделения труда, которое в значительной степени регулируется транснациональными корпорациями, и усложнением проведения модернизации. Представляется иллюзорным, что ресурсные страны (даже самые богатые) в состоянии самостоятельно модернизироваться без технологической помощи Запада. Не менее значимым является и ослабление влияния (вплоть до полной

утраты контроля) на процессы рентообразования, непосредственно связанные с динамикой конъюнктуры мировых сырьевых рынков.

В нефтегазовой сфере свою лепту в этот процесс вносит и нынешняя американская «сланцевая революция», которая целится «убить сразу несколько зайцев»: не столько обеспечить себя энергоресурсами, сколько перехватить инициативу у ОПЕК в глобальном регулировании цен на нефть.

На страницах *Financial Times* ведущий обозреватель издания по вопросам энергетической политики Ник Батлер (бывший вице-президент компании BP и руководитель Центра энергетических исследований Бизнес-школы Кембриджа) утверждает: «Забудьте про ОПЕК. Если картели не могут контролировать производство, они не могут контролировать цены...» [15]. А бывший руководитель ФРС США Алан Гринспен настаивает на том, что «сланцевая нефтедобыча лучше стабилизирует рынок, чем ОПЕК» [16]. Благодаря технологической гибкости и низким рыночным барьерам входа и выхода, американские производители сланцевой нефти могут очень быстро сокращать и наращивать производство и тем самым – регулировать предложение товара (по крайней мере, в масштабах национального рынка), а значит, и цены, фактически «отнимая хлеб» у ОПЕК и других производителей традиционной нефти с их инерционными и капиталоемкими добычными проектами [17].

Это создаст проблемы даже для крупных производителей нефти и газа, являющихся отнюдь не самыми бедными странами мира. А что сказать об остальных? Одним из неприятных парадоксов глобализации стало усиление неравенства между бедными и богатыми странами: даже если бедные и не становятся абсолютно беднее, но богатеют гораздо медленнее богатых. Это отмечают едва ли не все ведущие теоретики глобализации, а В. Иноземцев указывает на появление большой группы «не-развивающихся» государств, отставание которых от развитых лишь воспроизводится и становится с каждым новым десятилетием все более очевидным [18]. Речь идет примерно о полусотне стран Африки (прежде всего), Азии и Латинской Америки с критически низким уровнем душевого ВВП (520–540 долл. на начало 2000-х годов)².

² Современная общая численность населения беднейших стран мира, нуждающихся в помощи, может быть оценена – в зависимости от критерия бедности – от 700 млн до 1,8 млрд человек.

Не-развивающийся («четвертый») мир оказался на крайней периферии прогресса и, в сущности, не представляет никакого интереса для остального мира – мира, который развивается и глобализируется. И сегодня у глобального сообщества нет рецепта по выводу не-развивающегося мира из кризиса, кроме предоставления финансовой помощи, которая больше похожа на милостыню.

Призрачное спасение от бедности видится в использовании природных ресурсов. Как выразился Ульрих Бек: «Нетрудно себе представить, что страна, живущая в растущей нищете, будет эксплуатировать окружающую среду до последнего» [2]. Поэтому беднейшие страны, у которых есть даже небольшие ресурсы ликвидных полезных ископаемых, хватаются за них, как утопающий за соломинку. Например, в конце 1990-х и в 2000-е годы в мире появилось несколько новых стран-производителей нефти и газа (Мьянма, Камерун, Кот-д'Ивуар, Восточный Тимор и др.). По сути, это «микропроизводители», каждый из которых дает примерно от 0,05 до 0,2% мировой добычи углеводородного сырья, а на душу населения в этих странах добывается: 80 кг н. э. (Кот-д'Ивуар), 140 (Камерун), 190 кг (Мьянма) – при среднемировом показателе чуть более 1 т. Стараясь привлечь иностранный нефтегазовый бизнес, «микропроизводители» оказывают некоторое давление на рынок ресурсов, а необоснованное их включение в выборки нефтегазодобывающих и тем более – ресурсообеспеченных стран искажает результаты эконометрических исследований (пример этому см. [19]).

Глобализация на всех одна, ресурсозависимость у всех – разная

Российская экономика общепризнанно считается зависимой от освоения и экспорта ресурсов углеводородного сырья. Тому есть немало, казалось бы, совершенно очевидных подтверждений. Но все ли так просто? Что скрывается за понятием «ресурсозависимость» применительно к российской экономике? Что такое «ресурсозависимость» вообще? Можно ли поставить знак равенства между «ресурсозависимостью» и «рентозависимостью», т. е. зависимостью от ресурсной ренты, которая прежде всего захватывает государственный бюджет? В чем специфика

зависимости от ресурсов у различных стран, являющихся крупными производителями и экспортерами сырьевых товаров?

Сразу оговоримся, что ресурсозависимость сама по себе (т. е. преобладание или большая роль ресурсного сектора в структуре национального производства и экспорта) – это лишь фактор риска, но не фатальная угроза («проклятие») для роста экономики, а в более широком смысле – для успешного социально-экономического развития. Вопрос заключается в том, какие эффекты для той или иной страны дает освоение минерально-сырьевых ресурсов, как эти эффекты распределяются и в конечном итоге используются? Возможны очень разные варианты ответов, что обуславливает и различный характер ресурсозависимости, и степень рисков, связанных с ней.

В самом простом случае освоение ресурсов приносит ренту, которая становится главным фактором экономического благополучия и финансовой основой для роста и диверсификации экономики. Есть немало примеров: Венесуэла, Саудовская Аравия, Кувейт, Иран, Ирак и проч. При этом кто-то оказывается более успешен, кто-то менее. Вопреки взглядам институционалистов, полагающих, что все дело в качестве национальных общественно-политических и экономических институтов, ключевым фактором успеха обычно оказывается мера подушевой ресурсной обеспеченности, т. е. объемы производства в ресурсном секторе экономики и величина ренты, приходящиеся на душу населения.

Можно привести примеры как благополучных стран (Катар, Кувейт, ОАЭ, Бахрейн, дореволюционная Ливия, Саудовская Аравия, Экваториальная Гвинея) с высоким уровнем ресурсной обеспеченности, так и стран-неудачниц (Нигерия, Ирак, Иран, Йемен), ресурсозависимость, а уж тем более ресурсообеспеченность которых весьма условны. В структуре экспорта этих последних стран преобладают нефть и газ, бюджетные доходы главным образом формируются за счет ресурсной ренты, но при этом большая часть населения занята в сельском хозяйстве (с низким уровнем производительности), которое по статистике является самым крупным отраслевым сектором национальной экономики. Ресурсный сектор характеризуется высокой степенью автаркии – и по общему воздействию на национальную

экономику (со слабым мультипликатором) и по распределению доходов, которые не оказывают заметного влияния на уровень жизни большинства населения.

Следует также признать, что даже за вполне благополучными статистическими показателями экономического роста успешных стран могут скрываться множественные негативные явления и прежде всего – серьезная неравномерность в уровне жизни различных слоев и групп населения, глубокое расслоение по уровню доходов и социальной обеспеченности. В случае богатых «нефтегосударств» Персидского залива – расслоение по признаку гражданства: львиная доля благ от высокой ресурсообеспеченности достается гражданам, а на трудовых мигрантов из других стран, составляющих большинство в структуре рабочей силы (например, в Саудовской Аравии – более половины, в Катаре – более 90% [20]), приходятся сущие «крохи».

Более сложный и менее очевидный вариант ресурсозависимости – в Норвегии (считается, что она сумела избежать «ресурсного проклятия»), Бразилии или современной Мексике. Доля ресурсного сектора в ВВП этих стран не очень велика – существенно ниже, чем у названных выше «нефтегосударств»; экономика весьма диверсифицирована, но все же в значительной степени связана с освоением углеводородных ресурсов. Можно сказать, что в экономике работает мощный «нефтегазовый мультипликатор», который толкает вперед общее промышленное и технологическое развитие.

Иными словами, у каждой страны, чье благополучие прямо или косвенно связано с освоением минерально-сырьевых ресурсов, формируется свой специфический характер ресурсозависимости, подчиняющийся некоторым общим закономерностям и укладывающийся в рамки нескольких сравнительно общих типов. В первом приближении, ориентируясь в основном на нефтегазовую сферу, можно назвать следующие типы ресурсозависимости: голландский, норвежский, латиноамериканский, персидский, африканский, российский. Попробуем охарактеризовать принципиальные особенности каждого из этих типов.

Голландский – если в «чистом виде», то по своему уникальный. Наблюдался в стране с высоким уровнем экономического и институционального развития в период значительного притока

выручки от экспорта сырья. Связан с эффектом так называемой «голландской болезни», т. е. с неблагоприятными макроэкономическими последствиями ресурсного бума, проистекающими из-за провалов рынка. Сильные институты позволяют сравнительно легко преодолеть негативные последствия, особенно на стадии сокращения доходов от экспорта сырья [21].

Норвежский тип характеризует ресурсозависимость, опосредованную действием сильного ресурсного мультипликатора, что в значительной степени связано со сложностью морской добычи нефти и газа. Хорошие институты демократического общества позволяют избежать (в большей или меньшей степени) безрассудного расходования ренты и эффективно обратить ее на цели экономического и технологического развития страны. Главная опасность связана с истощением ресурсов, сокращением добычи и объемов работ в ресурсном секторе, что негативно сказывается на всей национальной экономике (особенно в условиях ухудшения рыночной конъюнктуры). Среднегодовые темпы роста норвежской экономики в 2001–2013 гг. составили всего 0,6%, а в 2006–2013 гг. – минус 0,1% (при сокращении добычи нефти и газа на 17%)³.

Латиноамериканский («классический») тип ресурсозависимости исторически сформировался в условиях довольно жесткого противостояния между государствами – собственниками ресурсов и иностранным бизнесом (в Мексике битва президента Карденаса с «британским орлом»⁴ в 1938 г. завершилась национализацией нефтяной промышленности). Основные черты: слабо развитая национальная экономика, склонная к авторитаризму бюрократизированная государственная власть, патернализм во внутренней политике, неэффективность модернизации (форсированной) на основе централизуемой ресурсной ренты, коррупция, всеобщее рентоориентированное поведение и т. п. Сегодня этот тип ресурсозависимости в какой-то степени характерен для Венесуэлы, но вряд ли первопричиной его возникновения следует

³ Показатели экономического роста рассчитаны по величине душевого ВВП по ППС. Источник данных: Всемирный банк. URL: <http://data.worldbank.org/> (дата обращения 6.04.2015).

⁴ Крупнейшим иностранным концессионером в нефтяной отрасли Мексики была компания Mexican Eagle Oil Company с преимущественно британским капиталом.

считать ресурсы как таковые⁵. У всех стран Латинской Америки в политическом и социально-экономическом отношениях очень много общего, независимо от наличия или отсутствия крупных источников ресурсной ренты.

Персидский («арабский») – исторически сложился в условиях общего усиления роли «нефтегосударств» и относительного ослабления позиций иностранного нефтегазового бизнеса (в том числе вследствие обострения внутренней конкуренции). Главные свойства: сильное авторитарное государство (зачастую даже без каких-либо признаков либеральной демократии), возможное сочетание с революционным преобразованием политической системы, стремление к «монетизации» сырьевых ресурсов, сравнительно эффективная модернизация экономики. Результативность, выражаемая в показателях экономического развития (богатства стран), целиком и полностью зависит от степени ресурсной обеспеченности. По меркам 2000-х годов, «водораздел» между богатыми (Катаром, Кувейтом, Саудовской Аравией, Эмиратами, Ливией и некоторыми другими) и бедными (Ираком, Ираном, Алжиром, Йеменом, Суданом) странами находится на уровне среднедушевой добычи углеводородов, равном порядка 15 т н. э. К рассматриваемому типу ресурсозависимости, по-видимому, тяготеют Азербайджан и Казахстан.

Африканский тип. Характерен для стран так называемой «Черной Африки», которые обрели государственную независимость на волне распада мировой колониальной системы во второй половине XX столетия. Они характеризуются крайне низким уровнем экономического и институционально-политического развития, что вполне объективно (имея в виду совсем недавнее колониальное прошлое) и порождает конфликтный характер отношений, связанных с освоением ресурсов. Нынешняя бедность Нигерии, Анголы, Чада, Конго, Камеруна и других «нефтегосударств» обусловлена не только и не столько институциональными проблемами и «плохой наследственностью», сколько низким

⁵ Современный уровень добычи нефти и газа в Венесуэле составляет всего 5,5 т н. э. на душу населения, что заметно ниже, чем в Канаде и в России, не говоря уже о Норвегии и богатых странах Персидского залива. В Боливии, Колумбии, Эквадоре показатели еще ниже (от 1,3 до 1,8 т н. э.), а самое преуспевающее из «нефтегосударств» Латинской Америки – Тринидад и Тобаго – добывает более 30 т (откуда происходит и сравнительно высокий уровень душевого ВВП – около 30 тыс. долл. по ППС) .

уровнем фактической ресурсной обеспеченности: добыча углеводородов на душу населения составляет от менее 1 т н. э. (Камерун, Чад, Нигерия, Кот’д-Ивуар) до 4 с небольшим (Ангола) на душу населения. Самые высокие показатели экономического развития достигнуты Экваториальной Гвинеей (душевой ВВП по ППС в 2012 г. – свыше 35 тыс. долл.; добыча углеводородов – 29 т н. э.) и Габоном (18 тыс. долл. и около 8 т н. э.). Из числа неафриканских стран схожие черты присущи ресурсозависимости государств Среднеазиатского региона, Вьетнама, Мьянмы.

Российский – уникальный тип ресурсозависимости большой страны с большой экономикой, располагающей значительными ресурсами полезных ископаемых. Тем не менее показатель добычи нефти и газа на душу населения в России составляет всего 7,4 т н. э., что меньше не только норвежского (38 т), но и канадского (9,3 т). Отсюда вполне очевиден вывод, что у России нет даже теоретических шансов стать чем-то вроде «очень большого Кувейта». Основные формальные признаки ресурсозависимости: высокая доля сырьевых товаров (главным образом – нефти и газа) в структуре экспорта, а ресурсной ренты – в структуре доходов государственного (федерального) бюджета.

Слабость ресурсного мультипликатора позволяет, с некоторой натяжкой, говорить о параллельном существовании двух экономик – нефтегазовой и остальной. Непосредственные взаимосвязи между ними не отличаются высокой интенсивностью (воздействие нефтегазовой экономики на остальную в значительной степени опосредовано бюджетно-финансовыми потоками).

Наблюдается ярко выраженная регионализация ресурсозависимости, поскольку $\frac{3}{4}$ нефтегазового потенциала, включая добычу углеводородов, приходится на Западную Сибирь, а новые ресурсные источники «приурочены» к слабо освоенным территориям на востоке и севере страны. Подавляющее большинство регионов вообще не имеют сколько-нибудь значимого непосредственного отношения к освоению нефтегазовых ресурсов и к первичному распределению рентного дохода. Тесная интеграция нефтегазового сектора с другими отраслями («прямой» и «обратный» мультипликаторы) имеет место лишь в экономике старых добывающих регионов Урало-Поволжья.

Регионализируемая ресурсозависимость имеет место в *Австралии* (шт. Западная Австралия), Канаде (пров. Альберта,

Онтарио) и в США (шт. Аляска, Сев. Дакота), т. е. в странах с национальными экономиками отнюдь не ресурсно-сырьевого типа. На сегодняшний день, вследствие высокого уровня экономического и институционального развития, масштабное освоение ресурсов полезных ископаемых приносит территориям значительные выгоды. Например, величина душевого ВРП штата Западная Австралия (экспортирует нефть и газ, железную руду, алюминий, никель, золото) в 1,5 раза, а конечного потребления – в 1,3 раза выше средних показателей по стране (более высокие показатели – только у Австралийской столичной территории)⁶.

Можно выдвинуть гипотезу, что в США в настоящее время складывается специфический тип ресурсозависимости – «сланцевая зависимость», – вызванная бурным освоением нетрадиционных источников углеводородного сырья, которое характеризуется экстремально сильным мультипликативным воздействием на экономику (включая инновационно-технологическую сферу). Пока что наблюдаются в основном позитивные последствия, но, чтобы пролонгировать их в будущее, потребуется и дальше наращивать добычу или, по крайней мере, не допустить ее заметного падения. Чем не «сланцевая игла» для территорий?

Следует оговориться, что в реальной действительности чаще встречается ресурсозависимость смешанного типа. Например, в настоящее время ресурсозависимость по норвежскому типу распространяется, по-видимому, на Мексику и Бразилию, с той лишь разницей, что все происходит на стадии растущей добычи глубоководной нефти. Но Латинская Америка остается таковой и в XXI веке, а потому... Президент Мексики Энрике Пенья Ньето заявляет, что национальная нефтяная компания Ретех погрязла в коррупции и работает крайне неэффективно⁷, а бразильская прокуратура обратилась к Верховному суду страны с просьбой привлечь сразу 54 политика по делу о коррупции в государственной энергетической компании Petrobras⁸.

⁶ Australian National Accounts: State Accounts, 2013–14. Analysis of Results // Australian Bureau of Statistics. URL: <http://www.abs.gov.au/AUSSTATS/abs@.nsf/mf/5220.0> (дата обращения: 07.04.2015) .

⁷ Вести. Экономика. – 14.08.2014. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/45830> (дата обращения: 07.04.2015) .

⁸ РИА Новости. – 04.03.2015. URL: <http://ria.ru/world/20150304/1050779461.html> (дата обращения: 07.04.2015) .

«Умна жена, коль полон амбар зерна...»

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что характер (положительный, отрицательный, нейтральный) воздействия ресурсозависимости на экономику той или иной страны является «функцией» от многих переменных, включая состояние институтов. Но на первом месте, по-видимому, все-таки находится фактор реальной ресурсной обеспеченности, которая выражается в объемах добычи сырья (и продуцируемой ренты) на душу населения.

Далее, нельзя забывать, что экономика (в том числе, ресурсозависимая) – это система с обратными связями, которые могут быть положительными и отрицательными, могут менять свой знак во времени и в зависимости от обстоятельств. Иными словами, не только институты влияют на экономический рост, но и уровень развития экономики не может не отражаться на состоянии институтов. Указанная обратная связь в общем случае, по всей видимости, является положительной. Поэтому когда утверждается (и доказывается с помощью эконометрических методов, кстати), что высокий уровень экономического развития ряда наиболее богатых «нефтегосударств» Персидского залива обусловлен сравнительно хорошими институтами (в противовес многим другим более бедным странам с ресурсозависимой экономикой), невольно возникает сомнение: а не перепутаны ли местами «телега» и «лошадь» в данном конкретном случае?

Следует пояснить, что Катар, Кувейт, Эмираты, Саудовская Аравия, Бахрейн занимают довольно высокие места в индекс-рейтингах, оценивающих качество экономических институтов (в Индексе экономической свободы Фрезера, Индексе условий для бизнеса Всемирного банка, в суб-индексе «Институты» Индекса конкурентоспособности Всемирного экономического форума и др.) и степень глобализованности (в Индексе глобализации Швейцарского экономического института). Во всяком случае, названные «нефтегосударства», чье экономическое благополучие вне всяких сомнений обусловлено исключительно высокой концентрацией нефтегазовых ресурсов, опережают в рейтингах большинство других стран с ресурсозависимой экономикой. И тут напрашивается мысль: а не богатство ли является предпосылкой для сильной государственной власти, способной в том числе более-менее успешно бороться с коррупцией, и для некоторой либерализации экономических институтов? Не наблю-

даем ли мы в данном случае попросту исключение из общего «правила бедности» ресурсозависимых стран, не позволяющей им заниматься эффективным, по либеральным меркам, институциональным строительством? Да и нужна ли бедным странам открытая глобализованная экономика, дающая свободу иностранному бизнесу делать бизнес с комфортом? И может быть, прав известный российский политолог Ф. Лукьянов, который одну из своих публикаций в журнале «Форбс» подытожил выводом, что «глобализация... стирает границы. В том числе и грань между искренностью и лицемерием» [22]?

Но вполне вероятно, автор заблуждается на этот счет, а идеи либеральной экономики и тяга к глобализации являются универсальными ценностями, не подлежащими дисконтированию ни при каких условиях и обстоятельствах. Если так, то автор будет рад услышать критические замечания по поводу высказанных в статье соображений, что позволит продолжить поиск истины и новых знаний о закономерностях развития ресурсозависимых экономик а современном мире.

Литература

1. Морозова М. Е., Шмат В. В. Как познать механизмы ресурсозависимости. Применение когнитивного моделирования при исследовании ресурсозависимой экономики // ЭКО. – 2015. – № 6. – С. 145–158.
2. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
3. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. – London: Sage Publications Ltd., 1992. – 224 p.
4. Holm H.-H., Sørensen G. Whose World Order?: Uneven Globalization And The End Of The Cold War. – Boulder, USA: Westview Press, 1995. – 246 p.
5. Hirst P., Thompson G. The Problem of Globalization: International Economic Relations, National Economic Management and the Formation of Trading Blocs // Polity and Society. – 1992, Vol. 21. – No. 4. – P. 357–396.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
7. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – 188 с.
8. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
9. Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 416 с.

10. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – 120 с.
11. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М.: Academia, 1999. – CLXX, 788 с.
12. Найт Ф. Понятия риска и неопределенности // THESIS. – 1994. Вып. 5. – С. 12–28.
13. Девятко И. Ф. Модернизация, глобализация и институциональный изоморфизм: к социологической теории глобального общества // Глобализация и постсоветское общество. – М.: Изд-во ООО «Стови», 2001. – С. 8–38.
14. Lerche C. O. The Conflicts of Globalization // The International Journal of Peace Studies. – 1998. – Vol. 3. – № . 1. URL: http://www.gmu.edu/programs/icar/ijps/vol3_1/learnch.htm (дата обращения: 06.04. 2015) .
15. Butler N. Forget OPEC – sex and technology shape the oil market now // Dec. 21, 2014. – URL: <http://www.ft.com/> (дата обращения: 04.04.2015) .
16. Greenspan A. OPEC has ceded to the US its power over oil price // FT. – 2015. – Feb. 19, – URL: <http://www.ft.com/> (дата обращения: 04.04.2015) .
17. Krane J., Agerton M. Effects of Low Oil Prices on U.S. Shale Production: OPEC Calls the Tune and Shale Swings. – Houston, USA: Rice University’s Baker Institute for Public Policy (Center for Energy Studies), Feb. 2015. – 24 p. URL: <http://bakerinstitute.org/research/effects-low-oil-prices-us-shale-production-opec-calls-tune-and-shale-swings/> (дата обращения: 04.04.2015) .
18. Иноземцев В. Л. Потерянное десятилетие. – М.: Московская школа политических исследований, 2013. – 600 с.
19. Гринев И. А., Казначеев П. Ф. Экономический рост и институциональное развитие в нефтегазовых странах // ЭКО. – 2015. – № 4. – С. 105–115.
20. Казначеев П. Природная рента и экономический рост. – М.: РАНХиГС, 2013. – 94 с. URL: <http://khaznah.co.uk/pages/ru/Report.pdf> (дата обращения: 06.04.2015) .
21. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 98, [2] с.
22. Лукьянов Ф. Правдивое лицемерие: почему идеализм в политике может оказаться цинизмом // Forbes-online. – 2014. – 04 sept. URL: <http://www.forbes.ru/node/266903> (дата обращения: 07.04.2015).